

Это не могло быть правдой.

Курама, не моргая, уставился на страницу, после чего открыл новую, чтобы перерисовать диаграмму — печать и ключ — упростив и немного почистив. Управляющая матрица пошла поверх усилителей. Регулятор чакры уместился в командную матрицу. Противовесы для Инь и Янь аккуратно влезли каким-то чудесным образом — используя новый ключ, который не должен был работать — над хранилищем. Теперь всё это выглядело похожим на нормальную вразумительную печать для сжатия чакры. Вот только за последние шесть лет и десять дюжин различных перебираний этого паззла, не важно как Курама поворачивал его и переставлял кусочки, печать Узумаки Кушины была так далека от вразумительности, что подходила вплотную к границам безумия.

Теперь она имела смысл. Не до конца, конечно — но это было всё равно, что сравнивать каракули пятилетнего ребёнка с идеально распечатанной страницей в книге. Курама мог видеть внутреннее устройство механизма, остановки и потоки энергии, как печать растворялась в чакра-системе его оболочки, чтобы закрыть курамин Инь за своими стенами.

Он мог ясно видеть, как ломание ограничителей может разрушить эти стены до основания.

Это было бы так просто. Просто отсоединить этот маленький узел, соединяющую точку между управляющей и основной системами. И тогда вся печать просто распустится. Курама мог бы освободиться с щелчком пальцами и двумя мазками пропитанных чакрой чернил. И без вероятности — которая была до этого момента источником серьёзного беспокойства — впечатляюще себя взорвать.

Он мог бы освободиться.

Первым пришло чистое неверие.

Так не могло быть. Он был в этой печати шесть лет и почти два года работал над ней днём и ночью, и что? Ему нужен был какой-то приступ лихорадочного бреда, чтобы найти решение? Невозможно. Нет. Это было слишком просто, это откровение, как все отдельные части соединились вместе и распадались на части, словно какое-то новичковое оригами. Так просто. Печать не должна была быть простой, и она не была простой, и этого не могло быть, неужели он снова был в бреду...

Он шлёпнул себя ладонью по голове. Ничего не изменилось.

Это не имело никакого смысла.

Эта печать на годы поставила его в тупик. Теперь он мог посмотреть на её разобранные части и знать. Это не имело смысла. Но — у неё не было времени, у Узумаки Кушины. В самом деле, совсем не было времени. И у неё было так мало чакры, у неё едва хватало крови, и существовали только три основных схемы, которые могли его удержать. Курама посмотрел на

печать и подумал: это была одна из этих схем. Он подумал: она была умна. У неё не было ни достаточно времени, ни чакры, ни крови, так что вместо этого она изогнула эту проклятую схему так, что она стала совершенно неузнаваема, сложив её в саму себя, и остаток печати последовал за ней.

Надежда в его горле на вкус немного напоминала желчь. В его ушах ревело. Если это был ответ, если это был ключ...

Курама проверил его ещё раз.

И ещё раз.

Результаты не изменились. Это был ключ.

Он положил руки на чернильные линии.

Свобода.

На секунду он не мог думать ни о чём, кроме этой мысли, этого потенциала. Он ждал годы и годы, и это было подобно падению водопада на камни. Всё, что ему было нужно, это пять секунд и поворот. И тогда его оболочка исчезнет, и Курама будет свободен, снова станет самим собой, тридцать этажей чакры и ярости, Конохагакуре — ничего, кроме пыли и атомов, и насыщенного чакрой дыма отчаяния, обломки, льющаяся по улицам кровь, словно двенадцатого октября шесть лет назад, но без Намиказе или Узумаки Кушины, чтобы остановить его. И он пообещал: они заплатят за всё, что они сотворили. Глаза Курамы застила красная пелена, и белая, и ничего, кроме разрушений на горизонте, намерение, разливающееся волной...

У него во рту была кровь. Она была на вкус как железо.

Моргнув, Курама снова пришёл в себя.

Печать смялась в его руках. Он лизнул твёрдые кончики своих зубов. Он прикусил язык.

Ладно.

Ладно, нет.

Глубокие вдохи приглушили водопад до ручейка. Курама продолжил, пока не осталось ничего, кроме гудения обогревателя, жужжания холодильника, тихого тик-тик-так часов на противоположной стене. Это были повседневные, бытовые звуки квартиры. Несколько тянущихся секунд он глядел на печать, после чего вырвал две страницы из тетради. Он сложил

их дважды — в два раза, потом в четыре.

Ему нужно было помнить — у него был план.

Конохагакуре будет превращена в пыль, но сейчас для этого было слишком рано. Курама не был готов. У него ещё не было ключа от печати отродья. Он ещё не закончил вычислять ни детали плана побега, ни путь до Ветра, ни чакра-подавители. Ему требовалось терпение.

Ещё немного. Просто ещё чуть-чуть.

Время покинуть это место скоро придёт.

***

Это был великолепный, восхитительный, прекрасный секрет.

Отродье продолжало бросать на него странные взгляды на протяжении последующих нескольких дней, а в пятницу вечером даже позвал Щенка, объяснив ему, что: "Рама всё ещё странный, мы уверены, что температура прошла?". Курама очнулся от послеобеденной дрёмы и увидел Щенка с градусником в руке и сиропом от кашля в бумажной чашке, появление которого наконец-то приглушило непрекращающуюся эйфорию, которая не оставляла Кураму последние два дня. Раздражённый, он засунул градусник в цветочный горшок и игнорировал Щенка и отродье, пока готовился ужин.

Тем не менее, этого было недостаточно, чтобы испортить его настроение.

"Я могу вас уничтожить", думал он, бесконечно радостный, в сторону стен, посуды, Щенка и отродья. "Прямо сейчас, сию секунду, если бы я очень-очень захотел." Он положил ещё баклажана в суп Щенка и щедро передал соевый соус, прежде чем его попросили. На десерт Курама позволил себе особенно большой кусок пирога.

Он напевал, ложась в кровать.

Само собой, существовал План, и теперь, когда первый пункт был наконец-то выполнен, следующим шагом, по логике, был пункт номер два. И поэтому утром субботы Курама раздражённо жевал карандаш, говоря: "Нет, поддерживай его стабильным, что с твоим контролем чакры," пока отродье корчило ему рожи. Печать Намиказе колебалась, словно мираж, на его пупке, чернила исчезали и появлялись в зависимости от изменения потока чакры.

— Это сложно, — пожаловалось отродье. — И вообще, зачем это тебе? — он ткнул свой живот.

Половина верхней секции печати исчезла.

— Не двигайся, — сказал Курама.

Отродье пнуло его по ногам и ткнуло живот снова. Маленький засранец.

— Похоже на просто закорючки. Это штука, которая удерживает... его, верно? Как это работает?

— Квантовая теория чакры относительно пространственно-временного сжатия и интегрирования...

— Угх, — сказала отродье, как и ожидал Курама, и перестало интересоваться этой темой.

Или нет.

Потому что секунду спустя оно снова заговорило:

— Так ты понимаешь, как оно делает то что делает?

— Квантовая...

— Словами. Короткими словами.

— Я не знаю, — беспечно соврал Курама и прищурился на полу-символ в круге, который выглядел похоже на... усилитель? Что-то. Почерк Намиказе, после столь долгого изучения кушининого, был ему незнаком. — Это требует ключа, — а затем, чтобы прикрыть свои тылы, добавил: — И продвинутого знания печатей, которого у меня нет.

— Но ты только что сказал...

— Это базовые знания печатей.

— Это и базовые? — с сомнением спросило отродье. Оно поджало губы. — погоди. Не делал ли ты просто ту штуку, когда ты говоришь длинные слова, чтобы оно звучало сложно...

Курама фыркнул в ответ.

— Нет, это просто основы.

— О, — оно замолчало. Курама сказал ему сконцентрировать больше чакры, и печать расцвела, детальная и расползающаяся по коже отродья. Её было так заморочно рисовать.

Спустя пять минут отродье спросило:

— Ты уже закончил?

— Нет.

Ещё пять минут спустя:

— Рама, ты уже закончил?

Он не удостоил это ответом.

— Рама, мне скучно, мне так скучно, мне ску-у-у-учно.

В конечном счёте процесс занял целый час, к концу которого отродье фальшиво напевало переделанную версию песни про девяносто девять лягушек в колодце, пока самоконтроль Курамы стремительно истончался. Он отследил последнюю чернильную петлю рукой, подрагивающей от требующейся точности движений, захлопнул свой блокнот и ткнул резинкой, прикрепленной к концу его карандаша, отродье в пупок. Оно взвизгнуло и сжалось на, наверное, полсекунды, прежде чем отскочить от кровати.

Курама дёрнул бровью.

— Ты помнишь, что ты не должен, — угрожающе начал Курама, пока отродье выбегало в дверь. Никто не должен был знать, и если по своей глупости отродье проболталось бы...

— Конечно я помню! Я пообещал на мизинце, — ответило отродье, и, прежде чем исчезнуть за углом, добавило с самоуверенностью человека, которому было шесть и он считал себя неуязвимым. — Если кто-то что-либо попытается, им придётся пройти через меня.

***

Было нечто невероятно удовлетворительное в расшифровывании печати Намиказе. Там было и нечто невероятно утомительное, но каждая трижды проверенная, аккуратно преобразованная линия командной матрицы означала, что он делал прогресс. С Кушиной Кураме нужно было начинать снаружи и двигаться внутрь, и эта совершенно выбешивающая основа содержала в себе только рассыпающуюся папку, полную несовпадающих частей.

Контур и композиция печати Намиказе были кристально ясны. Но он был умён, эта блондинистая жаба, и добавил все эти спрятанные уловки и ловушки, наложил их друг на друга, осторожно, пространно и целенаправленно вводя в заблуждение. Это было не что-то сделанное в последний момент, это был конечный результат долгой работы.

Кураме было насрать. Он только что взломал печать Узумаки Кушины. Разумеется, взлом печати Намиказе был утомительной работой, но он был утомительной работой с чётко видимой конечной точкой. На секунду он почти испугался. Две заворачивающихся линии матрицы на животе отродья спустя Курама почти рассмеялся. Пускай они и звали Намиказе мастером печатей, он не был Узумаки.

Это было великолепно.

В понедельник он по собственной воле проснулся раньше восьми и вприпрыжку отправился в Академию. Земля была мокрой от прошедшего ночью дождя, трава постепенно превращалась из сухо-жёлтой в зелёную; пахло весной, теплеющим воздухом, растительностью, вишней, собирающейся зацвести в ближайшем будущем. Курама оделся в единственный свитер и синие резиновые сапоги. Отродье прыгало по лужам, заставляя брызги разлетаться во все стороны.

Утром Миозуми отправила их медитировать. Курама потратил это время на размышления про полу-неортодоксальный способ, которым Намиказе использовал противовесы. Первое, что спросила Яманака за обедом, было: "Ты же не заразный, верно?" прежде чем украсть верхний ярус у акимичинового бенто с рисом и карри и поменять его с кураминим — купленным в магазине. Жвачка принесла весенний суп с огурцом, чтобы поделиться со всеми. Она налила его из своего термоса в бумажные чашки и раздала по рукам.

Курама сделал сладости. Он потратил целый день, сминая моти, и ещё день — превращая в пюре четыре с половиной килограмма каштанов, чтобы попробовать рецепты Монблана. Двадцать четвёртого числа они отправились смотреть на цветение вишни; день рождения Жвачки был двадцать восьмого, и Яманака продолжала косить на него глаза за то, что он не заготовил для неё подарка.

Отродье сумело пройти вверх, вниз и вокруг ствола одной из секвой Конохи, не упав. Курама согнал его ходить по воде.

Между тем, исследования продолжали занимать Кураму. Печать Намиказе, а кроме неё подавители чакры, где нужно было подумать, пытаясь вспомнить печати на крови и прочие производные. Он потратил час в библиотеке, изучая кланы сенсоров Конохакагуре; информация о них в изобилии не встречалась. Кураме нужен был доступ уровнем повыше, чем просто "студент Академии" для этого, что было печально. Но у него был Щенок.

...пока он не вспомнил, что Щенка не было, он ушёл вскоре после десятого марта, и если судить по прошлым годам, он вряд ли вернётся раньше конца апреля.

Угх.

Хорошо. Всё равно. Это можно отложить.

Так что вместо этого Курама сосредоточил своё внимание на чакра-подавителях, а потом на кусочках теории клонов, которую он собрал из своих воспоминаний и печально скудных на эту тему учебников из Академии. Отродью потребовалось три недели, чтобы перейти от ныряния в воду к скольжению по ней. Курама наблюдал за тем, как он несётся по гладкой поверхности озера, почти врезавшись в противоположный берег, и счёл, что этого хватит.

Утром, пахнущим чистым дождём и птичьими песнями, Курама затащил отродье на крышу и сказал:

— Сядь, я собираюсь научить тебя технике теневого клонирования.

***

Урок прошёл, как и ожидалось, иными словами — весьма плохо, несмотря на заметный энтузиазм со стороны отродья. В этот раз Курама, по крайней мере, имел двойное преимущество в виде заранее продуманного плана занятий и уже полученного опыта касательно раздражающе неравномерной кривой обучения отродья, так что он потратил только полчаса, повторяя основы теории ручных печатей и ещё полчаса — пребывая в отчаянии по поводу неспособности отродья придать чакре правильную форму, прежде чем уйти пить чай с печеньем.

Он без помех выпил горячую чашку лимонного чая и прикончил половину тарелки песочного печенья, выпеченного по его новому рецепту, прежде чем отродье промчалось по стенам квартиры и пропрыгало через балкон.

— У меня получился дым! — проревело, раздуваясь от восторга. Лозы помидоров и одинокий горшок с гибискусом подпрыгнули от силы его появления.

Курама залил в себя ещё чая, чувствуя смирение, но не удивление.

— Великолепно. Если тебе ещё удастся сделать полноценного клона к следующему году, я буду счастлив.

— В смысле год? Мне хватит только нескольких месяцев, так и знай! — сказала отродье, выпятив губу. Курама оглядел его поверх края своей чашки.

— Тебе понадобится год на хождение по стенам.

— Вовсе нет.

— Без падений каждые десять шагов.

— У меня теперь есть опыт! Оно пойдёт быстрее! — ответило отродье, что совсем не вдохновляло.

Учитывать склонности отродья к управлению чакрой в его планах было болезненно, но необходимо. По крайней мере, оценка Курамы выглядела правильной — прошли недели, а отродье по-прежнему получало только дым и, в одном удачном случае, половину клона — размытого по краям и выглядящего невероятно неуверенным в себе — который просуществовал полсекунды, за которые отродье успело триумфально закричать, прежде чем лопнуть.

— Ауч, — сказала отродье после этого, стремительно моргая.

— А это был перенос воспоминаний, — прокомментировал Курама.

Отродье выглядело так, словно наступили все его дни рождения сразу.

— Они дают мне воспоминания? — спросило оно, радостное, и остаток вечера повторяло ручные печати снова, снова и снова. За ужином оно спросило Кураму, можно ли было сделать клонов с блёстками или взрывами, прямо как в фильмах, которые отродье любило смотреть. Изображение этого ужасного будущего — отродье, блестящее и взрывающееся, умноженное в дюжину раз — вспышкой пронеслось перед мысленным взором Курамы и он едва не подавился своей темпурой.

— Нет, — сказал он.

— Но Ра-ама...

— Нет, — и он потянулся и стукнул отродье своими палочками, на что оно отступило, немного обиженно, но всё равно с надеждой глядело на Кураму до самой ночи.

***

Вытряхивание из Щенка секретов деревни было первым, чем занялся Курама, когда это ничтожество вернулось в деревню, сбросившее несколько килограмм и с шиной на руке. Он принёс им книги и угощения: украшенные пирожные и сладости, упакованные в позолоченные коробки, книга западных рецептов, немного поэзии на восточно-молниевом английском, которую Курама не мог толком прочитать — отчасти потому, что произведения были смехотворными, отчасти потому, что прошло немало времени с тех пор, как он последний раз сталкивался с английским. Отродье настояло на том, чтобы пойти ужинать к Лапшичнику, где Щенок съел подчистую две миски мисо рамена, ни разу не снимая ни одну из своих масок. Он

ушёл после того, как вернул их обратно в квартиру; к тому времени, как было пора ложиться спать, четыре толстых тома о кланах-основателях Конохи были аккуратно поставлены в пустые места на полках книжного шкафа Курамы.

К сожалению, книги не слишком сильно вдавались в детали, и Кураме нужно было заниматься раздражающим количеством чтения между строк.

Курама винил эту свою поглощённость чтением в том, что он не заметил подозрительного поведения отродья до того самого дня. И тогда уже было слишком поздно.

Отродье не было выдающимся лжецом. "Ужасные" даже не начинало описывать его актёрские способности. Он подавал такие очевидные знаки, что Кураме требовалось только услышать специфический тон его голоса, не обращая внимания даже на язык тела или виноватую, прячущуюся ртуть его чакры.

Если оглядываться назад, это было очевидно.

Оглядываться назад было слишком поздно. Вечером среды, вскоре после окончания занятий, отродье отвело их в полу-дорогой ресторан возле границы, разделяющей гражданские и принадлежащие ниндзя части рынка. (Технически, никакой границы не существовало, но на практике гражданские магазины старались собираться с одной стороны, а принадлежащие и продающие ниндзя — с другой.) По молчаливому соглашению Курама и отродье избегали гражданских районов деревни. Между ними существовала взаимная враждебная неприязнь, и это, хотя и не было первым сигналом, было первым, что Курама действительно заметил. У него едва хватило времени, чтобы задуматься о том, что это в принципе могло значить, прежде чем отродье остановило их перед рестораном и поправило воротник его лучшей рубашки, и тогда Курама заметил три крайне заметные сигнатуры чакры, которые он усердно избегал.

Хватка Курамы на запястье отродья усилилась настолько, что могла оставить синяки.

— Что за нахуй, — прошипел он.

— Мы были приглашены! — сказала отродье, а потом повернулось и попыталось пригладить курамыны волосы.

Курама поймал его руку и повторил:

— Что за нахуй.

— Я говорил тебе об этом! — ответило отродье, хотя его глаза и рот виновато изогнулись.

В ярости, Курама прочесал свои воспоминания о событиях последней недели.

В пятницу отродье пришло домой ослепительно радостным и принялось увечить календарь ярко-красной ручкой, крича: "Нам назначена встреча! Свидание! Рама, это будет потрясающе!", и Курама, по локоть закопавшийся в соотношение между дистанцией и чакрой насекомых Абураме, посчитал это за новости о Лапшичнике, придумавшем новый рецепт. В субботу и воскресенье отродье было странно тихим. Потом, за ужином в понедельник и вторник, оно разливалось соловьём про то, какой хорошей была Учиха Микото, и какой красивой, и что её обеды были такими великолепными, но отродье время от времени имело приступы Микото-почитания, и к тому моменту Курама превратил навык игнорирования его в искусство.

Этим утром оно надело свою белую рубашку и чёрный галстук, и пару чёрных туфель, на которые оно всегда жаловалось, что от них болят ноги. Оно одело и Кураму в подобный ансамбль, за исключением того, что его рубашка была синей. Курама надел всё это, пребывая в полусне, и не заметил странности до самой Академии — в семь тридцать утра Курама не был склонен к осознанию происходящего вокруг.

Так что, оглядываясь назад.

Очевидно.

Но:

— Ты никогда не думал о том, чтобы упомянуть, с кем именно была назначена эта встреча?

Теперь вина начала буквально течь.

— Мы, эм, — начало отродье. Курама мог почувствовать, как его лицо складывалось образом, который отпугивал маленьких детей и большинство взрослых, и отродье сломалось и выпалило.
— Но тогда ты бы не пришёл.

Что было совершенно точно. Застрять здесь с тремя — нет, четырьмя, судя по сигнатурам, откуда появился четвёртый? — Учихами на час в замкнутом пространстве было словно сценой из кураминого кошмара. Особенно — он немного дёрнулся, чувствуя аккуратно сложенные дым и огонь чакры — ебучей Микото.

Отродье дёрнуло его за галстук и немного краем глаза посмотрело на землю.

— Но я упомянул это, — упрямо пробормотало оно.

— Ты, хренов — ар-ргх!

Он не знал даже, с чего начать. Факт того, что а) отродье, по всей видимости, наконец-то действительно заметило курамину неприязнь к Учихам (хотя наверное выбрасывание сотни

коробок с обедом могло быть подсказкой), факт, что б) отродье было скрытным (хотя оно было ужасно в этом и застревание в данной ситуации было скорее результатом кураминой нехватки внимания) или то, что в) Учиха Микото и её выводок был на расстоянии трёх метров от Курамы.

И снова у него не было времени собраться с мыслями. Отродье посмотрело на свои часы (если он, блять, носил часы, как Курама мог пропустить все знаки), воскликнул: "Мы опоздаем!" и потащил Кураму сквозь двойные стеклянные двери ресторана.

Внутри лицо портье сделало эту спазматическую штуку, которую делали гражданские, а потом — инверсия чакры, стеклянные грани, и Дым-и-Зеркала был позади них и говорил:

— Сюда, Наруто-кун, Менма-кун.

— Проклятье! — прошипел Курама.

Учиха Микото заняла столик в дальнем углу, вплотную у стены, с мягкими сиденьями и отличным видом на все выходы. Мелкий Учиха был вместе с ней, как и владелец четвёртой и незнакомой сигнатуры Учиха: какой-то мальчик с курчавыми тёмными волосами и слишком радостной, похожей на отродьеву, улыбкой.

— Вы опоздали, — сказал мелкий Учиха, когда отродье запрыгнуло на сиденья с Курамой на буксире.

— Добро пожаловать, — сказала Учиха Микото.

Курама мог убить их, всех их, прямо сейчас, немедленно, без сожалений. Одного полностью сформировавшегося шарингана будет недостаточно, чтобы сдержать его до конца — ничего меньше мангекё не хватит — и тогда он не будет в этой ситуации.

Это было что-то, что стоило помнить. Он мог убить, в любой момент.

Ладно.

Ну, он определённо собирался убить отродье за это, это точно.

Курама присел. Учиха Микото и отродье болтали о всякой чепухе. Говорило в основном отродье — школа, розыгрыши, "как дела?" и "это замечательно, Наруто-кун" — пока Курама листал меню, а мелкий Учиха встречал каждые два предложения с поправками и закатыванием глаз: "Нет, ты не побил меня с практикой на оружии, это был Шино."

— А ты кто? — спросило отродье, наконец, поворачиваясь, чтобы посмотреть на курчавого.

Он сделал небольшой поклон. Судя по его выражению лица, его это всё забавляло.

— Учиха Шисуи, к вашим услугам. Я пришёл за компанию. Маленький Саске-чан много говорил о тебе, знаешь?

Отродье на секунду отвлеклось.

— ...Маленький Саске-чан? — повторило оно.

— Заткнись, Шисуи, — сказал мелкий Учиха.

В отличие от большинства своих родственников, Учиха Шисуи был беззаботен, бесстыж и разговорчив, и было что-то не то с его чакрой, что Курама пока не успел толком разобрать. Он пародировал людей вокруг по ходу обеда (в основном Дым-и-Зеркала, который крайне демонстративно ткнул своими палочками промеж растопыренных пальцев Шисуи после особенно писклявой пародии на крик). Отродью он чрезвычайно понравился, но отродью, по всей видимости, чрезвычайно нравились все Учихи, которых оно встречало.

Разумеется, Учиха Микото ему нравилась больше всех.

Учиха Микото, которая опять пыталась просверлить дыры в кураминои черепе.

Её глаза были темны, её чакра была нечитаема, и Курама сдерживал себя от того, чтобы сравнить с землёй ресторан, деревню, континент. У него были сила, инструменты и ключ, и он повторял, как мантру: "Я могу, я могу, я могу," раз за разом, чтобы не дать себе в самом деле что-то сделать.

Очень скоро, напомнил он себе, ему никогда не нужно будет видеть её снова.

По крайней мере еда была хорошей. Качество мангового пудинга было на мгновение отвлекающим — он обычно не заморачивался с гражданскими продавцами, потому что он или оказывался вышвырнутым наружу из принципа, или ему приносили отвратительную еду, так что этот масляный, нежный пудинг оказался сюрпризом.

— Хах, — сказала отродье, наполовину допив свой молочный коктейль, и посмотрело, скрестив глаза на своей трубочке, с тем же откровением.

— Наруто-кун? — спросила Учиха Микото, опуская свою чашку с чаем.

— Это вкусно!

— Да? Я не пробовала этот коктейль лично, но Итачи-чан, кажется, тоже нравится...

— Правда? Он здоровский. В смысле, когда мы в последний раз были здесь, наше куша курица гунбао была отстойной.

Она склонила голову набок — длинные чёрные волосы, спадающие на плечо, голос выпытывающий:

— В самом деле?

— Совершенный отстой.

Что-то заострилось в её чакре, если даже не во взгляде. Отголосок этого заставил Кураму сжать палочки сильнее.

— Вы часто едите в кафе?

Отродье, разумеется, ничегошеньки, блять, не замечало. Оно всосало ещё глоток молочного коктейля и заговорило, будучи радо угодить:

— Ага! Иногда! У старика Теучи. И в кафе-мороженом. И когда Щенок здесь, он идёт и покупает хорошие вещи.

И снова — рябь прошла по чакре Учихи Микото, некий камушек запрыгал по глади пруда.

— Ясно, — сказала она и потратила остаток ужина, пытаясь сложить побольше овощей на тарелки Курамы и отродья.

***

Они пришли домой, отягощённые десятью стаканами мангового пудинга и большим количеством овощей, чем Курама хотел когда-либо увидеть.

— И ты только что назначил очередной ебучий ужин...

— Я не понимаю, почему она тебе не нравится.

— Мы уже говорили об этом, и ты...

— А я говорю, что мы все должны дружить!

— По твоим словам мы должны дружить с досками в заборах. Она — Учиха.

— Ну и что? Ты ей очень нравишься.

— Ей нравится... — Узумаки Кушина. — На самом деле совсем, совсем нет.

— Нет, нравишься.

— Я выброшу все запасы рамена.

— Что? Нет! Рама, не-е-е-ет!

***

Он взломал печать Намиказе в пятницу вечером, едва успев сделать несколько глотков ещё горячего чая. Он и не заметил, как близко он подошёл. Печать была ритмичной, однообразной работой, которая размывала дни и часы, уравнения сливались друг с другом, сравнения различных атрибутивных функций, конверсия всего в основную матрицу. Впрочем, это не было большим шоком — это было предсказуемым свершением, в сравнении с печатью Кушины. Курама пробежал пальцами по завывающемуся ключу и вычеркнул задачу из своего мысленного списка задач.

Честно говоря, это было как-то разочаровывающе.

Он сложил ключ напополам, и снова напополам.

Этим вечером он сжёг все свои книги с печатями: поджёг их искрой чакра-пламени и наблюдал за тем, как края потемнели, превращаясь в сажу и уголь. Не было смысла продолжать их хранить, если у него были оба ключа, в конце концов. Он проделал это на балконе. Растения дрожали на ветру. Стоял июнь, и небо снаружи было кристальным куполом, земля снова пела гимны, и жизнь была прекрасна, куда ни посмотри. Ему потребовалось шесть лет на то, чтобы выжать секреты Намиказе и Кушины, но он наконец сделал это, и чувствовал себя жестоким победителем. Не будет больше ночей, полных размышлений по кругу о будущем. Он был так близок к свободе, что дверь уже открылась и он мог увидеть, что лежит по ту сторону.

Стоял июнь, и он не был готов, но скоро.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1502547>